

ЖАНР ВИЗАНТИЙСКОЙ ПРОПОВЕДИ: БОГОСЛОВИЕ И ПОЭТИКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОПОВЕДИ АНДРЕЯ КРИТСКОГО НА БЛАГОВЕЩЕНИЕ)

А. Г. Волкова

Общецерковная аспирантура и докторантура имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия

Поступила в редакцию 2 августа 2014 г.

Аннотация: статья посвящена анализу поэтики и смысла византийской проповеди на материале проповеди Андрея Критского на Благовещение. Отличительной чертой данной гомилии является драматический элемент – диалог, входящий в проповедь наряду с нарративом и энкомием (прославлением). Подобное жанровое многообразие в пределах гомилии имеет в том числе экзегетическую функцию.

Ключевые слова: гомилия, диалог, Андрей Критский, литературная традиция.

Abstract: the main point of the article is analysis of poetics and meaning of Byzantium homily (of the text written by Andrew of Crete for Annunciation). One of the features of this text is dramatic element, or the dialogue that is included in the homily together with narrative and encomium. This variety of genres in a homily has got also exegetic function.

Key words: homily, dialogue, Andrew of Crete, literary tradition.

Особый пласт проповеднического искусства составляют византийские гомилии, которые содержат в себе драматический элемент, то есть диалог, причем здесь имеется в виду диалог не проповедника с паствой, а художественный диалог персонажей в самой проповеди. Достаточное число таких проповедей имеют определенную сюжетную основу, взятую из текста, по определению прецедентного для любой христианской проповеди, – из Священного Писания. Для проповедей, включающих в себя диалог как обмен репликами между двумя персонажами, достаточно популярным библейским сюжетом стал сюжет Благовещения, содержащийся в Евангелии от Луки (Лк.1:26 – 38). Событие Благовещения само по себе уже диалогично, так как оно изображается как разговор архангела Гавриила и Марии:

Ангел, вошед к Ней, сказал: Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женонами. Она же, увидевши его, смутилась от слов его и размышляла, что бы это было за приветствие. И сказал Ей Ангел: не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус; Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего; и даст Ему Господь престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова вовеки, и Царству Его не буде конца. Мария же сказала Ангелу: как будет это, когда Я мужа не знаю? Ангел сказал Ей в ответ: Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим; вот, и Елисавета, родственница Твоя, называемая не-

плодною, и она зачала сына в старости своей, и ей уже шестой месяц; ибо у Бога не останется бессильным никакое слово. Тогда Мария сказала: се, раба Господня; да будет Мне по слову твоему. И отошел от Нее Ангел.

Преподобный Андрей Критский (660–740), известный прежде всего как автор Великого покаянного канона, является также автором достаточного числа проповедей, среди которых – гомилия «На Благовещение Пресвятой Владычицы нашей Богородицы» [1]. При рассмотрении поэтики и содержания проповеди как одного из жанров византийской литературы гомилии преп. Андрея представляют интерес, так как в них синтезируются многие черты, присущие византийской проповеди (образы, структура, смысловое своеобразие).

Гомилия Андрея Критского делится на несколько структурно-смысловых частей:

1) введение: гомилия традиционно начинается с обозначения *сегодняшнего* события, то есть произошедшее в Евангелии воспринимается и предстает как всегда актуальное (σημερον η παντων χαρα).

2) небольшая вставка, рассказывающая об архангеле Гаврииле и его роли.

3) продолжение рассказа о евангельском событии Благовещения.

4) первая реплика *Радуйся, Мария*.

5) благословения Гавриила, адресованные Марии.

6) «процессия пророков» [2, р. 143–149].

7) ответ Марии (*Она же смутилась...*).

8) начало собственно диалога между Марией и Гавриилом.

9) окончание диалога (*И отошел от Нее ангел*). Завершение гомилии.

С точки зрения структуры важно, что в проповеди преп. Андрея диалог является частью нарратива, то есть:

- разговор персонажей является только частью текста гомилии (например, гомилия, ошибочно приписываемая Иоанну Златоусту, датируемая примерно IV–V вв., полностью представляет собой диалог);
- реплики персонажей, особенно Гавриила, объемны и распространены за счет размышлений о событии Благовещения, о Божественном домостроительстве и о целомудрии Девы Марии.

Нарративное (недиалогическое) начало гомилии в представленном выше делении текста на части занимает с 1 по 3 часть, то есть до начала собственно диалога. Нарратив состоит из вступления, обозначающего тематику проповеди и плавно переходящего в прославление праздника Благовещения. Практически в самом начале проповеди содержится фрагмент, который можно обозначить как «представление Гавриила»: подобные фрагменты встречались и в других гомилетических текстах, например в гомилии Софрония Иерусалимского, где Гавриил называет себя сам, сам представляет себя Деве. В проповеди Андрея о Гаврииле речь идет в третьем лице, то есть здесь нет самоназывания, однако имеется описание и объяснение того, кто такой Гавриил и для чего именно он был послан к Марии:

... архангел Гавриил, с небес посланный послужить чуду (ἐξ ὑψίστου ἀποσταλέντος εἰς διακονίαν τοῦ θαύματος).

Нарративная часть ритмизованна за счет наличия в ней повторяющихся слов, которые являются «сильными местами» гомилии, ее ключевыми словами. В начале проповеди таким словом оказывается не имя и не глагол, а наречие, повторяющееся от предложения к предложению – σήμερον – «днесь», «сегодня», «ныне». Тем самым подчеркивается непреходящее значение события, которому посвящена проповедь.

В этой же первой части, несмотря на обозначение «нарративная», встречаются элементы диалога, хотя и очень ослабленного. Почти в самом начале автор проповеди / тот, кто произносит проповедь, использует вопросы, на которые сам же и отвечает, используя текст Евангелия, содержащего благовещенский сюжет. Автор последовательно спрашивает: кто (τις) был послан, откуда (ποθεν) и от кого (παρα τίνος) был послан. Однако вопросительная форма подразумевает наличие адресата, то есть в данном случае имеется скрытый диалог, который эксплицитно выражается в самом тексте проповеди: проповедник задает вопрос, адресованный кому-то, и сам же отвечает, тем самым осуществляя герменевтическую функцию проповеди – толкование Священного Писания.

Введение в ситуацию (Благовещение) происходит не с самого начала проповеди, при этом событие Благовещения описывается практически дословной цитатой из Евангелия:

Иди (ἀπίθι), Гавриил, в Назарет, город Галилейский, в котором живет Дева, обрученная мужу именем Иосиф. Имя же Деве – Мария.

Далее проповедник разъясняет, почему именно в Назарет и почему именно эта дева должна была принять ангельское благовестие. Здесь используется вопросно-ответный прием:

Сказал: В Назарет. Зачем? чтобы богообрадованную красоту Девы, как розу... *Вседержитель избрал (Εἰς Ναζαρετ, φησὶ. Διὰ τὴν Ἰνὰ τοῦ τῆς παρθενίας θεοχαρίτων κάλλος, καθάπερ ῥόδον... Παντοκράτωρ ἐκλεξήται).*

Попутно стоит отметить, что такой же прием «вопрос – ответ» использовался в одной из благовещенских проповедей, атрибутируемых Иоанну Златоусту, но на самом деле ему не принадлежащих (так называемый псевдо-Златоуст, гомилия с началом «Вновь радостные благовествования...»). В этой гомилии автор / проповедник также задает вопросы и сам на них отвечает:

«В месяц шестой послан был Гавриил к Деве». О каком шестом месяце говорится, о каком? С того, с которого Елисавета приняла благовествование, с которого зачала Иоанна. Откуда же известно это? Пусть сам архангел объяснит: «Се, – говорит, – родственница Твоя Елисавета, зачала сына; и этот месяц уже шестой для нее, называемой неплодной»...

Что это за книга запечатленная, как не Чистая Дева? Через кого она дастся? Конечно, через священников. Кому она будет дана? Плотнику Иосифу. ... Это предсказал пророк ранее: «Дастся, – говорит он, – книга запечатленная человеку, ведущему Писания», то есть сочетавшемуся браком; и скажет он: «не могу ее познать». Почему же не можешь, Иосиф? «Потому что – говорит – она запечатана». Для кого она сохраняется? Для Творца всяческих она хранится [3, с.890-891].

Далее в проповеди Андрея Критского идет ряд восклицаний, в которых в форме антиномий прославляется необычайное событие, обозначаемое автором как *παραδόξων πραγμάτων* – удивительное дело. И только чуть позже (col. 893) обнаруживается, что всё, произнесенное выше, начиная с введения в ситуацию Благовещения, является мыслями Гавриила, предметом его размышлений до того, как он предстанет перед Марией:

Так спорил с самим собой архангел (Таῦτα δὲ τότε στήσας καθ' ἑαυτὸν ὁ ἀρχαγγέλос).

Таким образом, введение собственной речи персонажей начинается еще до самого благовещенского диалога. При этом одним из ключевых слов в этом внутреннем монологе архангела является слово χαῖρε и однокоренные ему лексемы (χαράς).

В этом же фрагменте, включающем в себя риторическую конструкцию «вопрос-ответ» и речь архангела к самому себе, проповедь Андрея Критского сопоставима с текстом упомянутой благовещенской гомилии псевдо-Златоуста (начало «Вновь радостные благовествования...»). Однако в гомилии Андрея речь ангела более пространна за счет рефренов и развернутых толкований первичного евангельского текста – пространна до того, что она сливается с авторской речью, и сложно отличить, где начинается и заканчивается собственно слово проповедника. В гомилии псевдо-Златоуста, напротив, дидактический и герменевтический элементы отсутствуют, и вся гомилия целиком представляет собой диалог Бога и Гавриила, при этом реплики Гавриила выражают тот момент сомнения, который присутствует почти во всех благовещенских гомилиях.

Другой более ранний текст, с которым гомилия Андрея Критского пересекается в смысловом и словесном плане, – это кондак на Благовещение преп. Романа Сладкопевца (V–VI вв.): в самом начале кондака Гавриил, уже у дома Марии, рассуждает сам с собой о том, как возможно таинство Божественного воплощения, о котором он собирается возвестить Деве:

Архистратиг небесных воинств, получив Божественное повеление о милосердии к человеку, поспешил явиться перед Девой, как сказано в Писании. Придя в Назарет, в доме Иосифа, спросил сам себя в изумлении, как может Всевышний поселиться с земными? Небо всё, – сказал он, – и огненный престол Твой не могут вынести Твоего величия: эта бедная Дева, как может Она Тебя принять? Он – Всевышний, наводящий трепет, а здесь Он станет видимым? Но будет всё, как Он хочет. Здесь остаюсь я, чтобы сказать Деве: Радуйся, Невеста невестная [4, р. 21–22].

Далее в проповеди преп. Андрея появляется само ангельское приветствие – также цитата из Евангелия: *Радуйся, Благодатная, Господь с Тобю* – после чего диалог все еще не начинается, а следует ряд хайретизмов с различными номинациями Девы Марии (невеста – *νυμφων*, сокровище – *θησαυρε*, небо – *ουρανε*, кивот – *κιβωτο*с и т. п.). Интересно и то, что здесь используется та же фраза, что и в проповеди Софрония Иерусалимского – отсутствующая в тексте Евангелия, но встречающаяся в молитвах: *Благословенна Ты в женах, и благословен плод чрева Твоего*. Эта речь Гавриила распадается на две части, по количеству рефренов: первая – в которой рефреном выступает евангельское *Радуйся*, и вторая, где рефреном является слово *Благословенна*.

Часть ангельской речи с благословениями плавно переходит в следующую часть, в которой цитируются ветхозаветные пророки, предвозвещавшие воплощение Христа через Деву. В частности, среди цитат из книг Иезекииля, Даниила, Аввакума, За-

харии есть цитата из пророка Исаяи, которая уже использовалась в гомилии псевдо-Златоуста «На Благовещение Преславной нашей Владычицы Богородицы» (начало «Вновь радостные благовествования»), а именно – фрагмент о запечатанной (εσφραγισμενη) книге как образе Девы Марии. Ср.:

Первичный текст – Ис. 29:11–12: И всякое пророчество для вас то же, что слова в запечатанной книге, которую подают умеющему читать книгу и говорят: «прочитай ее»; и тот отвечает: «не могу, потому что она запечатана». И передают книгу тому, кто читать не умеет, и говорят: «прочитай ее»; и тот отвечает: «я не умею читать».

Гомилия псевдо-Златоуста: Это предсказал пророк ранее: «Дастся, – говорит он, – книга запечатанная человеку, ведущему Писания», то есть сочетавшемуся браком; и скажет он: «не могу ее познать». Почему же не можешь, Иосиф? «Потому что – говорит – она запечатана». Для кого она сохраняется? Для Творца всяческих она хранится.

Гомилия Андрея Критского: «Благословенна Ты в женах», как увидел Тебя Исаяя пророческим оком, ... назвал Тебя стеной и садом, и свитком, и тот запечатанным явился.

Здесь наблюдается только образное совпадение: Андрей Критский кратко перечисляет основные прообразы Богородицы, встречающиеся у пророка Исаяи, в то время как в гомилии, приписываемой Златоусту, указывается только одна метафора (Дева – запечатанная книга), однако эта метафора разворачивается и разъясняется проповедником. При этом такая общность образов важна, так как она может говорить о родстве именно этих двух текстов, так как в других благовещенских текстах именно эта мариологическая метафора отсутствует.

Собственно диалог в гомилии преп. Андрея начинается только ближе к середине гомилии, хотя первая фраза архангела, с которой начинается и евангельский диалог, находится в ее начале, после чего следует пространное отступление – похвала Богородице, речь архангела, цитирование пророков. Только после всего этого следует продолжение диалога: фраза «Что это за приветствие?», которая в евангельском тексте описывает чувства и мысли Марии, здесь становится отправной точкой для развития диалога и уже не просто для выражения смущения Девы, но для объяснения чувств Марии. Диалог, логика развития которого предполагает непрерывный обмен репликами, прерывается как бы искусственной вставкой, имеющей не только хвалебный характер, но и отчасти выполняющей опять же герменевтическую функцию – толкование Ветхого Завета, а именно – пророческих книг – в контексте Нового Завета.

Реплика Марии в данном случае – как ответ на приветствие Гавриила – скорее не реплика в привычном смысле этого слова, а слова, отражающие

внутреннее состояние Богородицы. Важно, что один из основных моментов, которые смущают Марию в этой ситуации, – это не только содержание ангельской вести, но и сам вестник:

По голосу – будто человек, но по виду – как бес-телесный. Ангелом его называю, но говорит он как человек (Ανθρωπον λογιζομαι τον φθεγγομενον; Αλλ' ως ασωματος φαιεται. Αγγελον αυτον νομισω; αλλ' ως ανθρωπος φθεγγεται).

Внешний вид ангела как аргумент в объяснении смятения и смущения Марии встречается далеко не во всех благовещенских текстах: из более ранних гомилетико-гимнографических текстов он встречался только в кондаке преп. Романа Сладкопевца:

Сказав так, небесный житель вошел под кров Чистой и обратился к Ней с такими словами: Радуйся, Господь с Тобою. Но дитя, без сомнения, по Божественному провидению, ничего не сделала, но склонила голову к земле и хранила молчание. Связывая мысль с мыслью, размышление с размышлением, Она воскликнула: Что это, что Я вижу? Как подумаю такое? Появился в огне, но голос человека, у того, кто здесь, и он беспокоит и смущает Меня, говоря – Радуйся, Невеста невестная (кондак преп. Романа, строфа 3) [4, р. 24–25].

Евангельский ответ Гавриила Марии, точнее, тому чувству смущения и испуга, которое испытывает Мария, в гомилии преп. Андрея разбивается и превращается в рефрен: повторяется фраза *Не бойся, Мария*, к которой прибавляется различное продолжение, также заимствованное из текста Евангелия от Луки – то *Господь с Тобою*, то *ибо обрела благодать у Бога*. Важно отметить, что евангельские цитаты не только встраиваются в гомилетический нарратив, но и соплагаются с цитатами из других книг Священного Писания, в частности, из книг пророческих. Так, когда Гавриил говорит Марии *Не бойся*, он рассказывает Ей о рождении Бога и человека Христа, описывая Его словами пророка Исая:

Господь и Бог всемогущий, Владыка мира... и будущих веков Отец (Κυριος γαρ και θεος εξουσιαστης, αρχων ειρηνης... και του μελλοντος αιωνος πατηρ). Ср.: «Ибо младенец родился нам; Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира» (Ис.9:6).

Ответ Марии содержит евангельскую цитату *Как будет это, когда Я мужа не знаю* (πως εσται μοι τουτο, επει ανδρα ου γινωσκω). Этими словами начинается реплика Марии, и этими же словами она заканчивается. Между двумя повторяющимися фразами варьируется тема непорочности Марии, причем это варьирование происходит традиционным способом – смысл евангельской цитаты сохраняется, но евангельские слова заменяются синонимичными конструкциями, например:

Μνηστηρα μονον, αλλ' ουκ ανδρα τον Ιωσηφ επισταμαι <...> ουκ ανηρ ανωρισθη μοι – *замужем, но мужа Иосифа не знаю; муж не познал меня.*

Если говорить об образной системе диалога в проповеди Андрея, то необходимо упомянуть образы Ветхого Завета, встречающиеся именно в этой ответной реплике Гавриила и интерпретируемые в мариологическом ключе – как прообразы Девы Марии. В гомилии используется три основных образа-символа – процветший жезл; камень, источивший воду; неопалимая купина: *πως η ραβδος εξηνηθησε · πως η πετρα το υδωρ απετεκε, ποθεν ευκυμονησασα · πως το της βατου πυρ υπεισηληθεν εν τη θαμνω, μη φλεξαν αυτην*. Эти образы использованы в ответе Гавриила на слова Марии *Как будет это, когда Я мужа не знаю*. Необходимо отметить, что эти же образы встречаются и в недиалогическом каноне на Благовещение того же Андрея Критского, в песни 5: процветший жезл Аарона, отрасль Иессеева (ραβδος Ααρων βλαστησασα, του Ιεσσα δε η ριζα, тропарь 1); камень, Даниилом прореченный (ο λιθος... Δανιηλ ωσπερ προγραφει, тропарь 3); купина умная, неопалимая (βατε νοητη, η αφλεκτος, тропарь 4).

Диалог заканчивается почти в конце самой гомилии согласием Марии и евангельской цитатой: «И отошел от Нее ангел» (και απηληθεν απ' αυτης ο αγγελος).

При этом почти каждая цитата или структурный элемент события Благовещения (Благая весть – сомнение Марии – ответ Гавриила – согласие Марии) в гомилии преп. Андрея словесно маркированы: чаще всего их сопровождает языковой маркер *φησι*, реже – целая фраза-вопрос *Τι ουν φησι το Ευαγγελιον*. Так в тексте проповеди отграничивается слово проповедника и слово Евангелия, притом что в других рассмотренных гомилиях, предположительно более ранней датировки, не было такого вербально выраженного разграничения слова автора и прецедентного (первичного, то есть евангельского) слова.

Таким образом, гомилия на Благовещение Андрея Критского, рассмотренная в контексте более ранних благовещенских гомилий как часть единой литературной традиции, имеет следующие моменты схожести с этими ранними текстами:

1) проповедь Андрея Критского и проповедь, атрибутируемая Златоусту (начало «Вновь радостные благовествования»), в которой содержится диалог Бога и архангела:

- одинаковый прием «вопрос-ответ»,
- сомнения Гавриила в возможности воплощения Бога от земной женщины (в гомилии Андрея Критского – внутренняя речь Гавриила),
- образ «Богородица – запечатанная книга».

2) проповедь Андрея Критского и кондак на Благовещение преп. Романа Сладкопевца:

- сомнения Гавриила, выражающиеся в его мыслях, в его внутренней речи,
- внешний вид архангела.

Важную роль в гомилиях играет евангельская цитация – не близкое к известному священному тексту воспроизведение ситуации, а дословное цитирование с последующей интерпретацией.

Другая особенность, характерная для византийских гомилий, – это наличие контекста: диалог Марии и ангела помещен в гомилетический нарратив, а не представлен как самостоятельный текст. Эта особенность присутствует в более ранних гомилиях – гомилии псевдо-Златоуста («На Благовещение Богородицы и против нечестивого Ария», начало: «В предшествующий воскресный день...»), гомилиях, приписываемых Афанасию и Исихию Иерусалимскому, а также в гомилии Софрония Ие-

русалимского и проанализированном тексте Андрея Критского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Patrologia Graeca (PG). Excudebatur et venit apud J.-P. Migne Editorem, 1858. XCVII, col.881 – 913. Перевод текстов на русский язык по данному изданию мой. – А. В.
2. La Piana G. Le rappresentazioni sacre nella letteratura bizantina dale origini al secolo IX. – Grottaferrata, 1919.
3. Иоанн Златоуст, св. Творения. – Свято-Успенская Почаевская лавра, 2005. – Т. 6. – 1015 с.
4. Romanos le Melode. Hymnes. Tome II. Nouveau Testament (IX-XX) / Sources Chretiennes, № 110. – Paris, 1965. Перевод текстов на русский язык по данному изданию мой. – А. В.

Общецерковная аспирантура и докторантура имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия

Волкова А. Г., аспирант

E-mail: volk8585@bk.ru

Post-graduate and doctoral courses named after holy and equal-to-the-apostles Cyril and Methodius

Volkova A. G., Post-graduate Student

E-mail: volk8585@bk.ru